

Мой дядя Емельян

Фуражка
железнодорожника на голове, на лацкане пиджака значок «100 лет ВЛКСМ». С этими символами своей жизни 92-летний Ростислав Романович, проработавший преподавателем кафедры философии и истории политологии в БелГУте, практически не расстаётся. «Мой головной убор - это память об отце Романе Тимофеенко, фамилию которого носит одна из улиц Гомеля, - подчёркивает пожилой человек. - Именно он стоял у истоков гомельского подполья, как и дядя Емельян. Так я называл Емельяна Барыкина, с которым дружил мой папа».

ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ ПАРТИИ

– Немцы подходили к Гомелю, и, чтобы оставить отца в подполье, Емельян Барыкин предложил ему легенду, - раскрывает подробности Ростислав Тимофеенко. - Как ты знаете, в те годы боролись с церковью и служителями религиозного культа. А мой дед по материнской линии был сельским батюшкой в деревне Тёплое Чаусского района Могилёвской области. И Емельян Игнатьевич сказал папе: «Давай мы исключим тебя из коммунистической партии за сокрытие биографии о твоём тесте-священнике. Придут немцы, и ты, обиженный советской властью, попросишься на службу к врагу». Барыкин как в воду глядел. Когда отец пришёл в немецкую комендатуру, фашисты предложили ему должность начальника угольного склада с ночным пропуском по городу. В условиях подпольной работы это многое значило. Что интересно, после войны мать получала пенсию за погибшего отца, рассчитанную из оклада начальника угольного склада.

Мама, кстати, тоже хотела остаться и помогать отцу в подпольной работе, но дядя Емельян сказал: «Лёля (так он звал мою маму Елену Сергеевну), я не "хочу видеть тебя с детьми повешенными на столбах».

Поэтому, пожалуйста, чтобы через 24 часа духу вашего не было в Гомеле». Начальник железнодорожного техникума Николай Кунцевич (будущий комиссар батальона Гомельского полка народного ополчения) сказал маме идти со мной и двухлетним сыном Сашей на Горелое Болото, откуда отправлялись эшелоны на восток. Отец пришёл нас провожать в военной гимнастёрке, галифе и пилотке. Тогда я впервые увидел его в военной форме, так как он носил звание майора. На прощание папа сказал нам: «Если будет очень трудно, коммунистическая партия вас не оставит».

Между Брянском и Орлом на нас налетела немецкая авиация. Разбомбили первый и последний эшелоны. Помню, как фашист на «юнкерсе-88» спустился на высоту около десяти метров над землёй, развернул самолёт и, улыбаясь, пустил пулёмётную строчку по вагону. Люди падали направо и налево.

КОГДА БОМБИЛИ ГОМЕЛЬ?

– Лет 15 назад в одной из газет я прочитал, что «Гомель в ночь с 23 на 24 июня был подвергнут варварской бомбардировке». Будто бы полыхали пожары, кровь текла по улице, началась паника. Как свидетель тех событий, могу сказать, что над городом в ту ночь пролетел один немецкий случайный самолёт. Из тех, которые, наверное, бомбили Киев.

Думаю, он просто сбился с

курса. Лётчик сбросил две бомбы. Одна - фугасная - упала на улице Песковатой (ныне Белорусская) и разнесла деревянный дом, жители которого погибли. Вторая - зажигательная - упала около 2-й Сталинской школы (ныне СШ Ns 19) рядом с домом моего одноклассника Арона Вайнштейна. Они с соседями эту бомбу затушили песком.

Гомель действительно разбомбили в пух и прах с 13 на 14 августа. Центр был полностью уничтожен. На трёх центральных улицах города - Советской, Кирова и Комсомольской (ныне проспект Ленина) уцелело три сооружения. Это здание банка напротив нынешнего старого универмага, Дом специалистов напротив БелГУТа и Дом-коммуна.

ГРОМКАЯ ДИВЕРСИЯ

– Мой отец обучился созданию бомб замедленного действия в диверсионной школе в Клёнках у патриарха подрывного дела полковника Ильи Старинова. Благодаря этому удалось совершить одну из самых громких диверсий в Гомеле. Как было дело? Роман Тимофеев сделал мину, положил её в чемоданчик и передал подпольщику Ивану Шилову, который прекрасно владел немецким языком и представлялся фашистам по поддельным документам оберлейтенантом Фридрихом Генке.

Шилов зашёл в ресторан, где немецкие офицеры отмечали «взятие Москвы», снял шинель, заказал пиво, жиманул плоскогубцами трубку на mine в чемоданчике, чтобы пошла химическая реакция. Ещё минут пять посидел в ресторане, вышел и сел напротив на скамейке в Пионерском сквере (нынешнем сквере имени А. А. Громыко) ждать, пока сработает взрывное устройство. Дядя Емельян мне потом рассказывал, как ругал

Шилова за то, что тот сразу не покинул место диверсии: «Какого чёрта ты так рисковал?! Надо было драть когти как можно дальше». «Емельяныч, мне было интересно посмотреть», - ответил Ваня Шилов.

ГДЕ МОГИЛА ПОДПОЛЬЩИКОВ?

– На улице Комиссарова была явочная квартира гомельских подпольщиков. Но нашёлся предатель и выдал группу, в которую входили Иван Шилов и Тимофей Бородин. Фашисты расстреляли их в Лешинце, а могилы сровняли с землёй катком. Поэтому имя Шилова только символически указано на могиле героев-подпольщиков у Аллеи Героев, а Бородин – на мемориале народным ополченцам. Но они там не похоронены.

Когда шли облавы по городу, Емельян Барыкин сказал отцу: «Роман, уходи в лес. Большой риск оставаться в Гомеле». Однако отец отказался, так как решил вывести к партизанам около 30 подпольщиков, подвергавшихся опасности. Но на явочной квартире, о которой немцам сообщил кто-то из схваченных подпольщиков, не выдержав пыток, папу ждала засада. Отец увидел спящего жандарма, выхватил именную кольт и застрелил его, а потом ещё и немецкого офицера. Сам выскочил на крыльцо, где его срезали автоматной очередью. Тело папы бросили во дворе нынешнего 2-го корпуса ГГУ имени Ф. Скорины по улице Кирова, а рядом поставили часового. Местный старик выкрал тело и закопал на кладбище, которое находилось на месте нынешнего сквера, примыкающего к Аллее Героев. После возвращения в Гомель я так и не смог найти могилу. А расспросить старика не смог, так как немцы расстреляли его за день до освобождения города.

ПОСЛАНИЕ ПОД ВАЛУНОМ

– После освобождения Гомеля в августе 1944 года я вместе с матерью побывал на явочной квартире подпольщиков по улице Московской, недалеко от стадиона «Локомотив». На месте, где погиб мой отец. Женщина, которая там жила, сказала, что мой папа незадолго до своей гибели оставил что-то под валуном рядом с домом. Отодвинув камень, я нашёл плетённую из лыка коробочку с патронами от нагана и письмом, на котором смог разобрать только два слова «Дорогие мои».

В Гомеле две комнаты нашего дома занимала семья инженера Булочкина, а одну - жена полица, которого расстреляли как предателя родины. Мы захотели вселиться в эту комнату. К слову, в это время вышел указ о возвращении жилья семьям погибших подпольщиков, но моей маме даже эту одну комнату не вернули. Мать ходила по всем инстанциям, просила, но ей не пошли навстречу. Дядя Емельян зашёл как-то в горно, где застал плачущую маму. «Сергеевна, ты что?» - удивился Барыкин. Елена Сергеевна из-за слёз не могла ничего сказать. Тогда я рассказал, что нам негде жить. Знаете, я никогда не слышал от Емельяна Игнатьевича ни одного бранного слова, но тут он крепко выругался, снял трубку, позвонил военному прокурору и сказал: «Если в течение 24 часов семья Тимофеенко не будет заселена в причитающееся ей по закону жильё - завтра придёшь и положишь на стол партийный билет!» После этого нас сразу же заселили в родной дом.

ТАК РОМАН - ТВОЙ ОТЕЦ?

– В 1956 году, когда отмечали 10-летие Победы над фашистской Германией, в Гомеле была создана комиссия по распределению наград.

Нужно было выбрать подпольщика для присвоения ему звания Героя Советского Союза. В этой комиссии мой отец Роман Тимофеенко проходил как член железнодорожного райкома, а Тимофей Бородин - как член центрального райкома партии. В итоге звания Героя удостоили Бородина. На заседании говорилось и о том, что он был руководителем оперативного центра подпольщиков. Но этого не могло быть по той простой причине, что центра не было.

Прошли годы, и я в разговоре с первым секретарём центрального райкома Евгением Рамбаевым завёл разговор на эту тему. Евгений Иванович, узнав, что я сын подпольщика Тимофеенко, сказал: «Так Роман - твой отец?! Знаешь что, извини, ведь это я полез на дыбы, чтобы звание Героя СССР присвоить парню с моего района, а разговор изначально шёл о твоём отце». Так получилось, что первую подпольную организацию, по сути, возглавил мой отец. Ему было на тот момент 40 лет, а Бородину, который примкнул позже, - 24. Хотя я ни в коем случае не умаляю заслуг Тимофея Степановича, но отец не меньше проявил себя в деле борьбы с врагом.

ПРОВОДИЛ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

– Я был на похоронах Емельяна Барыкина 25 марта 1951 года. Отчего он умер? В военное время, возвращаясь с очередной партизанской диверсии, упал с лошади и ударился коленом о пенёк, занесённый снегом. Лечиться в лесных условиях, ведя борьбу с врагом, было некогда. Барыкин похромал какое-то время, решив, что всё пройдёт само собой.

Уже после войны, когда дядя Емельян работал секретарём

Барановичского обкома ВКП(б), у него обнаружили в колене злокачественную опухоль - саркому. Врачи предложили Барыкину в «кремлёвской» больнице ампутировать ногу, гарантируя жизнь. Но легендарный партизан отказался. В результате умер в 48 лет. Его гроб везли к месту погребения с особыми почестями на орудийном лафете. Был салют. Похоронили в самом начале мемориала «Вечный огонь». Причём фамилию «Барыкин*» на могиле изначально написали с ошибкой через букву «о». Много гомельчан шли в траурной процессии. Люди плакали.

Но особенно много граждан плакало на похоронах Иосифа Сталина в 1953 году. Я лично это видел, так как, учась в аспирантуре, был в те дни в Москве. Втиснуться в очередь, которая шла к гробу Сталина, было невозможно. А я жил у своего приятеля на втором этаже дома по улице Пушкина. Сбросил верёвку с балкона и по ней спустился в толпу. Плотность людей была такая большая, что нельзя было сдвинуться даже на миллиметр. На моих глазах толпа прижала женщину к стене. Она закричала, потеряла сознание, и её на носилках унесли медики. Выстояв очередь, я всё-таки увидел Иосифа Виссарионовича.

Друзья Роман ТИМОФЕЕНКО и Емельян БАРЫКИН.